

Оптимистический реквием

Внутренняя активность, напряженность, взаимоотношений и тончайшее разветвление системы образов характерны для всех спектаклей Московского театра на Таганке. Постановка новеллы Бориса Васильева «А зори здесь тихие...» в сценической интерпретации Юрия Любимова — произведение неохватное, насыщенное, контрастное и эмоциональное. В спектакле нет ни одной иллюстративной сцены. Пять девушек-зенитчиц и старшина Васков, по воле обстоятельств ставший их единственной поддержкой. У каждой девушки — свой сложный и яркий внутренний мир, хотя минуты сценической жизни, отведенные им, так коротки...

Повесть Бориса Васильева (драматургия Ю. Любимова и В. Глаголина) в Московском театре на Таганке идет без перерыва, это своего рода спектакль-монолог, монолог, который в любую минуту может прервать смерть. Пять предсмертных криков... Еще воспринимаящие красоту жизни раскрытые глаза... Пять рассказов-воспоминаний и щемящий последний аккорд прерванной юности...

Зрителя всегда раздражало бутафорское, трафаретное изображение войны. Театр на Таганке и на сей раз избежал риторики, иллюстративности, перенасыщенности бытовыми элементами. Если бы мне когда-либо сказали, что ощущение обстановки в новелле Бориса Васильева «А зори здесь тихие...» можно воссоздать с помощью четырех досок, снятых с кузова грузовика, которые в каждом эпизоде становятся своеобразной красочной метафорой, я бы этому не пове-

рил. А художник Давид Боровский превращает эти четыре доски в детали, создающие полнейшую иллюзию подлинности. Доски становятся лесом, и в финале эти качающиеся «деревья» усугубляют душевное состояние Васкова — Виталия Шаповалова (девушки погибли, и ему никогда не забыть, пережитого). Доски — это и баня, куда приходят девушки помыться перед наступлением, и стена, возле которой стоит одна из героинь и исполняет реквием, посвященный той, которая только что погибла. Народные песни в спектакле не только выражают страдания всего народа, они не только оплакивают. В них слышна и вера в то, что смерти не дано погасить в человеке стремление к лучшей жизни, стремление к подвигу. Каждая из пяти девушек перед смертью видит самый счастливый момент в своей жизни. То мгновение, когда она мечтала о будущем и в глазах ее светилось ощущение счастья.

Рита Осянина в девятнадцать лет становится вдовой (я видел в этой роли и заслуженную артистку РСФСР З. Славину, и на гастролях в Риге — И. Кузнецову). А ведь она всегда была убеждена в том, что ничего плохого в этом мире произойти не может. Ее воспитали в сознании того, что удача неизбежна, и сомневаться в них было бы преступлением... В картине воспоминаний под звуки патефона она протягивает любимому руки.

Навсегда запомнится нам М. Полисеймако в роли Лизы Бричкиной — ее руки и крик, когда Лиза, спеша за помощью

через болото, тонет в нем. И в этот мир она вспоминает самый прекрасный день своей жизни... Яркий свет вырывает из тьмы доску, напоминающую стог сена, возле которого сидит Лиза Бричкина и прислушивается к разговору отца с гостем — с приезжим, впервые заставившим затрепетать сердце девушки...

М. Полисеймако — необыкновенно яркая характерная актриса. В спектакле, созданном по письмам А. С. Пушкина «Товарищ, вери!», М. Полисеймако — Арина Родионовна, в постановке по роману Н. Г. Чернышевского «Что делать?» она играет роль Матрены, которую я никогда не забуду, а в композиционно мотивам пьес А. Н. Островского «Бенефис» — Кабанха, колоритное воплощение властолюбия во фрагментах из «Грозы».

Предсмертный крик — огромный, обрвавшийся, растаявший в небытие — это крик Соли Гурвич, девушки с душой поэта. Ее исполнительница Н. Сайко раскрывает безграничную сердечность героини, ее умение прислушаться к романтическим импульсам, ее нежность и способность к самопожертвованию.

И снова туман рассеивается. Краткий миг воспоминаний — семья, где выросла дочь врача, всегда первая в классе, кумиром которой был Александр Блок.

Гая Четвертак и многие другие образы, созданные актрисой Т. Жуковой, еще раз подтверждают истину о том, сколько возможностей есть у актера для роста, если он в каждую роль привносит обаяние собственной личности. Ри-

жане имеют возможность познакомиться с этой многогранной актрисой в нескольких спектаклях. В Гале Четвертак Т. Жукова угадала мечтательную душу, тягу к человеческому теплу. Ее темные глаза в момент смерти выражают глубокий трагизм... Поэтесса Т. Иваненко в роли Женя Комельковой.

Однако стержнем всего спектакля является образ старшины Васкова в исполнении Виталия Шаповалова. Он столь достоверен и конкретен, что временами кажется — его вырастила сама русская земля, ее просторы. Война, ее горечь и боль столь достоверны в изображении актера, что это даже нельзя назвать игрой. Это жизнь. Это действительно человек, который из наивного, простоватого, из бестелесия буквы закона становится яркой личностью, подлинным воспитателем. Невозможно описать правдивость жестов, фраз и мотивов поступков Васкова — В. Шаповалова. Актёр словно родился для этой роли, он сросся с сценой и кажется — рассказывает нам о своих личных переживаниях, хотя войны сам он не видел.

Постановка Юрия Любимова как бы адресована молодым, чтобы в будничных делах и заботах мы нашли время подумать о том, как велик может быть человек, как всеохватны и сильны чувства любви к Родине, как нравственные идеалы облагораживают наши сердца, сколько надо сил, чтобы преодолеть страдания и остаться несломленным, возвышенным, одухотворенным. Это оптимистический реквием. Реквием, который захватывает зрителя с первых же мгновенных спектакля и продолжает звучать в душе и тогда, когда загорается вечный огонь в память павших.

Г. Трейманис

127 СЕН 1974

ГОЛОС РИГА

Г. РИГА